

ИВАН БЕЛОВ

 С прикусом
ПЕПЛА

Москва
Издательство АСТ
 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б43

Оформление обложки
Юлии Межовой

ISBN 978-5-17-175121-0

© Белов И., текст, 2025
© ООО «Издательство ACT», 2025

Лучшим из людей, которых рядом со мной уже нет.
Маме, Беловой Галине Ивановне, – моему первому
читателю и самому строгому критику.
И дедушке, Чехлову Ивану Михайловичу, ветерану
Великой Отечественной, воевавшему в Белоруссии,
в составе 537-го партизанского полка.

ГЛАВА 1

Над лесом расплывалось умиротворяющее сонное марево. Легкий ветерок поглаживал островерхие елки, словно бабушка – разомлевшего от неги кота. Утреннее апрельское солнышко припекало совершенно по-летнему, словно стремясь восполнить тепло, вытянутое из земли небывало морозной зимой страшного сорок первого года. Пахло прелой сыростью и сосновой смолой. Крикливая сорока-истеричка скакнула по ветке, повела черным глазом и яростно затрещала, увидев чужих.

Густой ольшаник расступился, рядовой Сашка Волжин, идущий головным, опустился на колено, предупреждающе поднял левую руку и взял просвет на прицел ППШ. Ветер нес тошнотворный сладковатый аромат разложившейся плоти. Явление, в сущности, заурядное по нынешним временам. По пути дважды настыкались на разбухшие трупы. Прокатившаяся война выстлала брянское полесье грудами истерзанных тел.

Группа смертельно усталых людей прижалась к земле. Позади зыбким кошмаром остался ночной переход по заболоченной чащбе. Четверо военных в советских маскхалатах цвета хаки с большими коричневыми кляксами, пятый – мужчина старше сорока, с худощавым лицом, заросшим седой щетиной, одетый в шикарный костюм, шляпу и серое, измызганное грязью пальто. Звали последнего Виктор Павлович Зотов, группе разведки он был известен под кодовым именем Лис.

Зотов, пользуясь негаданной передышкой, рухнул на спину и с наслаждением вытянул гудящие ноги. Черт. Брюки извозякал травой и жирной, масляно лоснящей-

ся глиной, пальто умудрился разорвать об острую ветку, из огромной дырищи сиротливо торчал кусок ватинной подкладки. Переодеться болван не успел, уходил в дикой спешке, в итоге угробил костюм, купленный за кучу казенных рейхсмарок. Руки ощутимо дрожали. Проклятущая трясучка привязалась к Зотову в самом начале войны и стала постоянным назойливым спутником. Чуть понервничаешь или нахлынут неприятные воспоминания – и привет. Стакан не удержишь. Хорошо хоть медицина на такое сейчас внимания не обращает, а то бы списали на пенсию, несмотря на боевой опыт и былые заслуги.

Зотов растер непослушными пальцами ноющие лодыжки. Стареешь, браток, распустился, расслабился, мышцы одрябли и заросли рыхлым жирком. Коням из разведки плевать – прут, не разбирая дороги. Останавливались на отдых, лишь когда Зотов начинал совсем уж сдавать. За ночь сделали два коротких привала да перед рассветом покемарили пару часов в неглубоком распадке, заросшем малиной и чахлым багульником. Кофе с утра, понятное дело, никто сварить не подумал, хлебнули водички, отдающей болотом, и на ходу похрустели кусочками отволглого сахара. Короткий урывчатый сон налил голову тяжелым свинцом.

Младший лейтенант Миша Карпин, худощавый, жилистый разведчик с костиистым лицом, прижал палец к губам и ужом пополз по толстому ковру перепрелой листвы. Зотов проводил Карпина завистливым взглядом. Эх, молодость, столько дней в пути, а сил у летехи на пятерых. Зотову он сразу понравился. Двадцати пяти нет, но дело знает, хватка у парня крепкая. Глаза умные, цепкие, с каплей необходимого в его работе безумия. В себе уверен, решения принимает быстро, голос тихий и веский.

Правее, за стволом упавшей березы, притаился рядовой Валера Капустин. Лицо у него по-детски округлое, розовое, с умильительными ямками на пухлых щеках, глаза огромные, удивленно расширенные, с пушистыми, девичьими ресницами. С таким лицом в армию брать не должны, иначе немцы могут распустить слух, будто большевики мобилизуют даже детей. Скандал мирового масштаба. Капустин радиист, святая святых разведывательно-диверсионных подразделений, с горбом коротковолнового передатчика «Северок» за спиной. Если группа попадет в переплет, разведчики не раздумывая пожертвуют собой, прикрывая радиста, уничтожающего шифровальную книжку и радио. А радиист оставит последнюю пулю себе.

Старшина Акишин, самый возрастной в группе Карпина, сибиряк с хитрым прищуром, морщинистым лицом и выгоревшими на солнце усами, молча развернулся и взял тылы под прицел своего «Дегтяря». Все звали старшину просто – Егорычем. Было в нем что-то монументальное, основательное, родное. Даже пахло от него иначе, не порохом и потом, а горьковатой полынью, медом и табаком. Движения у него неспешные, плавные, пальцы, с прокуренными до желтизны, толстыми, слоистыми ногтями, удивительно ловкие.

Лейтенант подполз к Сашке Волжину. Сашка – парень боевой, в карман за словом не лезет, держится независимо и развязно. Весь в движении, в разудалом напоре, сгусток жизни и хорошего настроения, в речи козыряет характерными жиганскими присказками: «начальничек», «кодла», «сукой буду». Привычка цыкать слюной сквозь сжатые зубы. На урку не похож, так, городская шпана. Судя по говору, откуда-то с юга. Ростов? Краснодар?

Разведчики перебросились парой фраз, Карпин же стом велел подтянуться. За густым подлеском из сорных

рябин открылась большая поляна, делянка лесорубов, судя по наваленным грудам подгнивших стволов. Тяжело вспорхнувшая стая ворон расселась на ветках и устроила сварливую трескотню. Заросшая дорога уходила на восток, теряясь в лесу. На поляне молчаливыми курганами замерли обрушенные армейские палатки с красными крестами на скатах. Лагерь брошен давно, от многих палаток остались лишь неряшливые груды кольев и потемневшего, расползшегося на лохмотья брезента. Тянуло мертвчиной.

Карпин кивком указал под ноги. В жидкому черничнике лежал труп в советской военной форме. Ощеренный череп с остатками плоти смотрел с затаенной усмешкой, из глазницы черными слезинками тянулась вереница деловито-сосредоточенных муравьев. Зотов сделал шаг.

— Стой, — прошипел лейтенант.

— Чисто тут, — отозвался Зотов, многозначительно указав на разоравшихся птиц. Без опаски вышел на просвет и склонился над павшим. Боец пролежал тут всю зиму, гимнастерка превратилась в осклилзлое месиво. Скелет сохранился полностью: война распугала крупное зверье, а мелочь смогла погрызть только мягкое. Потом тело замело толщей снегов. А когда оттаяло, даже волки побрезговали, серым хищникам хватало свежатины. Зотов открыл перочинный нож, гнилая ткань расползлась под наточенным лезвием. В нос ударили нестерпимый смрад разложившейся плоти, показалось синюшно-коричневое мясо, насожшее на костях. Копошащиеся черви замотали острыми безглазыми головами.

— Гадость какая, — выругался подошедший радиист, любопытно заглянувший через плечо. Группа выбралась на поляну.

— По сторонам приглядывайте, — приказал лейтенант.

— Здесь еще один, — обрадовал Волжин. — Ого, и еще.

Зотов направился к уцелевшим палаткам. Второй скелет лежал в траве. Кости ног были замотаны отсыревшим бинтом. На сохранившихся петлицах «шпала» и эмблема в виде крыльев и пропеллера. Капитан авиации. Фуражка, похожая на грязный блин, темнела чуть в стороне. Третий скелет принадлежал пехотному сержанту без галифе и сапог.

— Паскудное место. — Капустин заозирался по сторонам.

— Медсанбат, — тихонечко, словно боясь потревожить мертвых, сказал Зотов, сопоставив красные кресты, полуистлевшие бинты и принадлежность убитых к разным родам войск. — С осени лежат.

Разведчики угрюмо молчали. Осенюю сорок первого немец стремительно рвался к Москве, линия фронта сломалась, танковые клинья Гудериана сходу прорвали оборону пятидесятой армии генерала Петрова и замкнули кольцо. К концу октября из окружения, небольшими группами, вышли несколько тысяч человек, остальных поглотили жадные недра брянских болот.

Зотов шел, внимательно глядя под ноги. Всюду тела, снарядные ящики, котелки, пустые консервные банки, кучи заплесневевшего, окровавленного белья. Остовы рассохшихся телег, рядом, вонючими грудами, конские туши, расправившие жуткие веера выперших ребер. Несколько медицинских носилок, возле них останки солдат в наброшенных поверх формы белых халатах. На носилках трупы в бинтах. Зотов отдернул полог единственной устоявшей палатки и прикрыл нос шарфом. Война превратила сердце в кусок холодного

камня, убила чувства, выжгла эмоции. Свет проникал в палатку косыми лучами. С мерзким писком брызнуло мышиное племя. На операционном столе, безвольно свесив руки по сторонам, разметался обнаженный мертвец. На земляном полу вповалку лежали мужчина и две женщины в грязных белых халатах. Разложение и грызуны успели основательно поработать. Одна медсестра кошмарно улыбалась объеденными губами, показывая мелкие ровные зубы. Другая упала на живот, рассыпав копну густых золотистых волос. Пухлый, невысокого роста военврач до сих пор сжимал скальпель в руке. Снаружи стреляли, гибли люди, а медики выполняли свой долг. Они уже ничего не чувствовали, скорее всего. Зотову приходилось наблюдать за работой полковых госпиталей в сотне метров от переднего края. Военврачи оперировали по двадцать часов, превращаясь из людей в кровавый конвейер. Под кабуком захрустели разбитые ампулы и стеклянные шприцы.

— Ну чего там? — Следом сунулся лейтенант. Зотов посторонился и шагнул обратно на солнце, спасаясь от морозной дрожи, пробежавшей вдоль позвоночника.

Карпин заглянул в палатку и сразу отошел, зрачки неизвестно расширились.

«Такого ты еще не видел», — с непривычным злорадством подумал Зотов.

— Сучары, — глухо обронил лейтенант.

Зотов присел и зачерпнул горсть темных пузатых гильз, смешанных с листвой и хвоей.

— От «шмайссера», девять на девятнадцать парабеллум, — кивнул Карпин. Зотов краем глаза отметил, как лейтенант добела сжал кулаки. Смотри, лейтенант, смотри.

— Боеприпасы не экономили, мрази, — подтвердил Зотов. Медсанбат не успел эвакуироваться, а может,

и не пытался. Раненых слишком много, транспорта нет, и врачи решили остаться, уповая на милость победителей и законы войны. Зотов указал в сторону просеки: – Немцы вышли с дороги и открыли огонь. Никто не ушел.

В ушах, словно наяву, слышались автоматные очереди, крики умирающих, истощный визг лошадей. Немцы с арийской методичностью избавлялись от ненужной обузы.

– Похоронить бы ребят. И девчат. – Егорыч стащил с головы пилотку и принялся нервно мять в больших наутренних ладонях. – Плохо им так.

– Нет времени, Егорыч, – откликнулся Карпин.

– Знаю. Баб-то за что? Мрази. – Старшина вздохнул и зашагал через поляну.

Зотов видел, как он шепотом разговаривал с мертвцами и закрывал лица кусками гнилого брезента.

– Тов... товарищ лейтенант! – осипшим голосом позвал Волжин. – Идите сюда, тут такое... такое!

Первым Зотов увидел блюющего в кустах радиста. Толком не завтракали, поэтому Капустин в жутких конвульсиях давил из себя желтую вонючую слизь и иступленно мотал головой. Сашка Волжин, бледный как полотно, окаменел на краю небольшого овражка.

Это был и не овражек вовсе, промоина метра полтора глубиной, с пологими песчаными склонами, заросшими прошлогодней травой. На дне груда тел в обрывках солдатской формы. Зотов вдохнул, как перед нырком в глубину, и спрыгнул. Под ногой поехал песок, с сонным жужжанием поднялась туча зеленых откормившихся мух. Трупов было больше десятка, все полураздеты и перемотаны слоями бинтов. Картинка из ночного кошмара. Немцы притащили тяжелораненых и сбросили живой шевелящейся кучей. Зотов поморщился при виде расплющенных прикладами голов и вспоротых живо-

тов. Добивали штыками, ногами, палками, камнями, просто глумились. В глаза забиты винтовочные гильзы, на лицах и спинах ножами вырезаны звезды, которые не успело скрыть разложение. Как может человек дойти до такого? Как он спит после того, как упивался кровью и страхом, как смотрит в глаза своим детям? О чем думает, вспоминая убитых? Как этими руками прикасается к матери или жене? Безумие.

Лейтенант Карпин шумно сглотнул. Егорыч глянул в овраг и промолчал, зыркнув недобро из-под кустистых бровей.

— Надо уходить, — внезапно охрипнув, сказал Зотов и полез из братской могилы. Волжин подал ледяную, влажную руку.

Разведгруппа растворилась в мрачном бору. Никто не оборачивался. Об увиденном они больше не разговаривали, не обсуждали. Те из них, кто пережил эту войну, ничего не рассказывали о страшной находке ни родным, ни близким, ни ордам пионеров, требовавшим подробностей. Молчали даже в хмелью. Каждый унес в сердце образ этой залитой кровью поляны. Они молчали, и лес шумел скорбно и величаво, и тянули ветки молодые осины, пытаясь прикрыть следы жуткого преступления своей наготой.

К хутору группа вышла часа через два. Место для встречи с партизанским связным выбрали уединенное, глухое, вдали от дорог. Лес поредел, разлапистые елки сменились молодой березовой рощей. Группа залегла на опушке. Лейтенант тихонечко выматерился.

Хутора не было. За вспаханным полем черным пятном разметалось пепелище с остатками горелого сруба и закопченной печью, устремленной в беззаботно синие небеса. И тишина, только трясогузка чивкала, взбалмошно скака по комьям подсохшей земли. Зотов нена-

видел тишину, в тишине всегда есть что-то зловещее. Уцелели крохотная банька, стоящая на отшибе, плетень и ворота, на которых висели три мертвеца. Дистанция метров сто, толком не разглядеть.

— Ну твою же мать, вот что за денек сегодня такой? — Карпин сунул бинокль.

Зотов приложился к окулярам. На воротах висели мужчина с разбитым лицом, женщина в окровавленной ночной рубашке и мальчишка лет десяти. Валялись сбитые табуретки. На груди у мужчины приколочена табличка «Партизан», в хорошую оптику видны загнутые в разные стороны шляпки гвоздей. Как пить дать, работа Каминского, локотского царька на побегушках у немцев. Зотов в Брянске достаточно наслушался про этого говнюка. Такая паскудина, закачаешься. Строит новую Россию пытками, виселицами, массовыми расстрелами и пафосными речами. По спине пробежал холодок. А если засада? Сейчас пронзительной трелью разольется свисток, и ближайшие заросли ощетинятся сотней стволов. Все и ляжем, по собственной глупости. Как поросята на бойне. Зотов очень жалел, что не запасся оружием. Надо раскрутить лейтенанта хотя бы на пистолет, иначе чувствуешь себя голым — с одним-то перочинным ножиком, которым и зарезаться толком не выйдет.

— Лейтенант, — шепотом позвал Зотов, — фланги надо проверить.

— Волга, Егорыч, слышали? Выполнять.

Карпин покосился на Зотова, и тот почувствовал плохо скрытую неприязнь. Так смотрят, когда не понятные хмыри суют нос в чужие дела. Подробностей операции Зотов не знал. В нужное время он был в условленном месте. Разведчики уже ждали. Приказ группы получила короткий и ясный: десантироваться в тылу противника и встретить агента Лиса. Вопросов не зада-

ваться. Выйти в расположение партизанской бригады «За Родину» и ждать эвакуации самолетом на Большую землю. Самостоятельных попыток пересечь линию фронта не предпринимать. Подвергать опасности жизнь Лиса строжайше запрещено.

А самое поганое для лейтенанта – с момента встречи группой командовал не он, а чертов Лис. Где это видано, чтобы фронтовой разведчик, двенадцать раз ходивший в немецкий тыл, добывший пять языков, подчинялся хрену с горы, похожему на учителя географии? Так что лейтенанта Зотов вполне понимал.

Зотов мысленно разбил сгоревший хутор на квадраты, стараясь не упустить из виду каждую мелочь. Малонаезженная грунтовка петлей уводила в лес. Если связной лаптем щи не хлебал, то вполне мог спокойно уйти. Жилье хитро расположено среди топких болот, незаметно не подберешься, если не знаешь тайные тропинки и гати. По уму – нужно тела осмотреть, многое прояснится, например есть ли среди повешенных партизанский связной. Его выдаст синяк от приклада на плече, пороховой нагар на руках, въевшийся в одежду и кожу запах костра. Зотов чуть улыбнулся, представив, как обомлеют разведчики, увидев попутчика, с аппетитом обнюхивающего не первой свежести труп. Нет, это не вариант. Выходить из леса опасно, если связной раскололся, то каминцы забрали его с собой и сейчас по душам общаются в подвале гестапо.

Из зарослей выскользнул Волжин и доложил:

– Никого, как на лекции против водки, на опушке трава в одном месте примята, но уже почти вся поднялась.

Через минуту появился Егорыч и отрицательно помотал головой. У Зотова от сердца чуть отлегло. Он вернул бинокль и сказал:

— Уходим.

Карпин махнул рукой. Разведчики отползли и, пригнувшись, растворились в густом, захламленном буреломом лесу. К партизанам предстояло выйти самостоятельно. Просвет с хутором затерялся в мешанине сомкнувшихся веток. Под ногами захлюпало небольшое болотце, пришлось взять в сторону и двигаться по руслу журчащего между корней ручейка. Зотов зачерпнул горсть ледяной воды, напился и умыл запыленное лицо.

Выбрались на сухое. Лейтенант напряженно прислушался и приказал:

— Волга, Капуста — в охранение, привал десять минут. — Достал карту-километровку и с великой осторожностью развернул.

— Где мы? — спросил Зотов, взглядываясь в сплошную зелень лесов и синие ниточки рек.

Из ориентиров — грунтовка и село Алтухово, оседлавшее железную дорогу Киев-Брянск.

— Тут. — Грязноватый, коротко обрезанный ноготь лейтенанта указал точку на краю непроходимых болот и пополз на запад, пока не достиг квадрата пятьдесят девять-четырнадцать. — Двигаемся сюда.

Зотов прикинул: по прямой километров пять, да только в лесу прямых дорог не бывает, можно смело на два умножать, а то и на три. Лес на карте густой, партизанский, опасных полян, просек и дорог почти нет, а те, что есть, пересекать не придется, это плюс. И спросил:

— Отряд на месте?

— Не уверен, — признался Карпин. — Дислокация обозначена на середину апреля, а сегодня двадцать седьмое, могли свалить в любом направлении, партизанская жизнь кочевая. Если в квадрате не обнаружим, будем выходить на связь с Центром. А этого очень не хочется.